

На правах рукописи

Мосиенко Михаил Константинович

**ИНТУИЦИЯ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ:
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

09.00.01 – Онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Красноярск – 2016

Работа выполнена на кафедре религиоведения ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»

Научный руководитель: доктор философских наук профессор,
Кудашов Вячеслав Иванович

Официальные оппоненты: Бармашова Татьяна Ивановна,
доктор философских наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Красноярский
государственный аграрный
университет», кафедра философии,
профессор кафедры

Винник Дмитрий Владимирович,
доктор философских наук,
ФГБУН «Институт философии
и права Сибирского отделения РАН»,
сектор философии науки,
ведущий научный сотрудник

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Красноярский
государственный технологический
университет»

Защита состоится 29 февраля 2016 г. в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.099.17 при ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» по адресу: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 82, стр. 6, ауд. 3-17.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» и на сайте: <http://www.sfu-kras.ru>.

Автореферат разослан «___» января 2016 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Петров
Михаил Александрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы исследования.

В XX-XXI веке обыденность, обыденное сознание и специфическая для обыденного сознания интуиция вновь привлекают значительное внимание исследователей разных областей научного знания – в первую очередь философов, психологов и социологов. Сегодня философия и ряд других наук переживают новый пик интереса к обыденному сознанию и его особенностям, к чему подталкивает возросшее влияние обыденного сознания на культурную и духовную жизнь людей.

Все специализированные формы сознания – научное, политическое, религиозное, правовое и др. – оказываются сегодня под значительным давлением обыденного сознания. Обыденное сознание преобразует их, осваивая новые области, порождая поп-искусство, поп-науку, поп-религию, иногда при встречном движении со стороны этих областей духовно-практической деятельности человека, иногда при их сопротивлении. Экспансия обыденного сознания и его значительный вес в современной жизни людей делают его из предмета традиционного и давнего интереса отдельных исследователей темой большего значения, которую в современной философии нельзя игнорировать. Это демонстрирует как возросшее число исследований, посвящённых обыденному сознанию, так и количество научных дисциплин, разрабатывающих сегодня его проблематику.

Актуальность исследований обыденного сознания объясняется тем, что оно является преобладающей психической реальностью человека, базовой по отношению ко всем другим формам сознания. Обыденное сознание включено во все формы культуры, в том числе все отрасли научного познания. Оно является интуитивным истоком первоначальных, воспринимаемых как само собой разумеющихся смыслов. Решения относительно перехода к другим, «необыденным» типам сознания, принимаются именно внутри этого типа сознания. Таким образом, очевидна значимость исследования гносеологических и аксиологических характеристик обыденного сознания.

Степень разработанности проблемы.

Первые философские исследования обыденного сознания как самостоятельного феномена появляются только в XX веке, однако косвенно обыденное сознание и его способности были предметом анализа ещё в античности в связи с исследованием причин различия «истины» и «мнения», из которых последнее ассоциировалось с обыденным сознанием, хотя тогда оно ещё не было предметом специального исследования. Примечательно, что впоследствии обыденное сознание надолго уходит на периферию философского внимания, однако в Новое время на фоне общего роста интереса философов к гносеологическим проблемам вновь появляются исследования обыденного сознания и интуиции. В этот период такие исследования всё ещё не являются специальными, будучи частью изучения познавательных способностей человека вообще, безотносительно к типу сознания или типу решаемых им задач. Это период первоначального накопления опыта философского осмысления способностей сознания.

Можно выделить три этапа исследований обыденного сознания и его интуиции в отечественной философии в последнее время: 1960-1970 гг., 1980-1990 гг., 2000-2010 гг.

Первый этап - 1960-1970-е гг., когда обыденное сознание понималось по контрасту с научным сознанием, отождествлялось с массовым сознанием. Подчёркивались такие его качества, как грубый эмпиризм, дотеоретичность, поверхностность, неспособность к адекватному пониманию сущностных черт явлений. В целом обыденное сознание воспринимается на этом этапе исследований не как нечто самостоятельное, но как тип общественного сознания, выделяемый с помощью негативных характеристик относительно других типов сознания (в особенности научного): исследуется в первую очередь не то, чем обладает обыденное сознание, но то, чего оно лишено в сравнении с другими типами сознания. Обыденное сознание понимается в рамках такого подхода как незавершённое, требующее «улучшения». Характерной чертой этого этапа является то, что исследователями

анализируется и подчёркивается социальная природа обыденного сознания, его связь с историческим опытом народа, формами общественной практики (В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон, Т.И. Ойзерман).

На данном этапе обыденное сознание понимается преимущественно в противопоставлении с другими типами сознания, однако появляются первые попытки описать его собственную структуру. Исследователи отмечают значительную нерасчленённость обыденного сознания, в котором когнитивные, волевые, эмоциональные компоненты неотделимы от его ценностных установок. Подчёркивается познавательная неполноценность обыденного сознания, его уязвимость по отношению к мифу, суевию, правдоподобным, но поверхностным рассуждениям. Делаются первые попытки дифференциации близких понятий «обыденное сознание», «здравый смысл», «практическое сознание» (в первой главе нашего исследования мы подробно рассматриваем сложности, порождённые терминологической путаницей и подходы к их разрешению) и т.п.

Второй этап - 1980-1990-е гг. Если раньше не обнаруживается массовый интерес исследователей к проблеме обыденного сознания и его способностей, то, начиная с этого периода, учёные всё больше начинают обращать внимание на обыденное сознание. Растёт число статей и монографий, посвящённых этому вопросу, поскольку осознаётся его недостаточная исследованность и, вместе с тем, большая практическая и теоретическая значимость. В работах этого периода исследуется соотношение обыденного и общественного сознания (С.Т. Баранов, Л.И. Насонова), сравнивается обыденное, научное и религиозное сознание (Б.Я. Пукшанский).

На этом этапе отечественная философия активно усваивает и творчески осмысляет достижения западноевропейских гуманитарных исследований XX в., в которых обыденному сознанию и его интуиции уделяется значительное внимание. З. Фрейд обращается к исследованию бессознательного, чтобы обнаружить, что представляет из себя дорефлексивное основание

человеческого поведения и обыденного сознания. К. Ясперс создаёт концепцию «пограничных ситуаций», по контрасту с которыми обнаруживается и понимается повседневность – среда, формирующая обыденное сознание. М. Хайдеггер указывает на обыденный язык как на «дом бытия», существование исходных базовых смыслов. Э. Гуссерль описывает Lebenswelt («жизненный мир») – изначальное неспециализированное мировосприятие человека, предшествующее всякой специализации сознания и оказывающее на неё влияние. Итак, обыденное сознание понимается не только в противопоставлении другим типам сознания, выясняются его собственные черты, оно перестаёт отождествляться с «неразвитым» уровнем общественного сознания, который должен быть «превзойдён» другими типами сознания. Исследуется качественное своеобразие обыденного сознания.

Третий этап - 2000-2010 гг. Выходят историко-философские работы и работы обобщающего характера, интегрирующие уже накопленный опыт исследования обыденного сознания и его способностей (Т.И. Ойзерман, П.В. Чельшев). Рассмотрение обыденного сознания в исторической ретроспективе (так же, как и рассмотрение обыденного сознания в сравнении с другими типами сознания) обогатило понимание этого явления тем, что позволило по контрасту обнаружить его сущностные, инвариантные свойства, получающие разное оформление и по-разному воспринимавшиеся в разные исторические периоды.

Осмыслением важного компонента обыденного сознания – обыденного знания – занимались Б. Рассел, Р. Карнап, У. Куайн, Х. Патнэм, Т. Котарбиньский. В их исследованиях внимание преимущественно уделяется форме существования обыденного знания – обыденному языку, а также процессу порождения обыденного знания – обыденному мышлению, связанному с речевым поведением и свойственными ему логическими процедурами.

Проблема интуиции в целом и интуиции обыденного сознания в частности является не менее значимым предметом давнего интереса исследователей многих дисциплин и не в последнюю очередь - предметом интереса философии познания и философии сознания, особенно в XX-XXI веках. Решение проблемы интуиции требует ответа на следующие вопросы: «что является основанием интуитивного акта?», «что является гарантией истинности интуитивного знания?», «как именно протекает интуитивный акт?».

Проблема достоверности интуитивного знания волновала философов ещё в античности. К интеллектуальной форме интуиции обращались Платон и Аристотель, развивая идеалистическое учение о познании идей. Идеи чувственной интуиции озвучивают Эпикур и Демокрит. В средние века о непосредственном (интуитивном) познании писали Д.Скот и У.Оккам, хотя в этот период интуиция и не была предметом по-настоящему острого интереса исследователей. В Новое время наблюдается очередной пик интереса к познавательным способностям человека, в том числе к интуиции. В рационализме Нового времени получают развитие идеи интеллектуальной и чувственной интуиции, разворачивается философская дискуссия между сторонниками интуитивного априоризма, ярче всего выраженного в учении Р.Декарта, и сенсуалистами, закономерно уделявшими значительное внимание пониманию чувственной интуиции (например, размышления о её природе в трудах Д.Локка). Делаются попытки определить, является ли интуиция рациональной или иррациональной способностью (Б. Кроче, А. Бергсон).

В отечественной философии проблему возможности интуитивного познания исследовал Н.О. Лосский. Проблема интуиции анализируется с историко-философских позиций (В.Ф. Асмус). Значительное число исследований посвящено научной интуиции: в XX веке наука уже прочно утвердилась как мощная производительная сила общества, поэтому на

метанаучные исследования возникает устойчивый спрос (М.А. Холодная, Р.М. Грановская, И.Я. Березная, А.С. Кармин).

Весьма значимы психологические исследования интуиции, проведённые зарубежными исследователями А. Тверски и Д. Канеманом, поскольку, ориентированные на интересы психологии и экономики, они, тем не менее, имеют важные философские следствия. Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых специализированным типам сознания и их способностям, специфика интуиции обыденного сознания остаётся всё ещё недостаточно исследованной: большое внимание уделяется исследованию научной и художественной интуиции, однако специальные исследования интуиции обыденного сознания, её оснований и особенностей функционирования редки. Поэтому данное диссертационное исследование посвящено философскому выявлению и объяснению специфики интуиции обыденного сознания.

Объектом исследования является обыденное сознание.

Предметом исследования выступает специфика интуиции обыденного сознания.

Цели и задачи исследования.

Целью диссертационного исследования является выявление специфических черт интуиции обыденного сознания.

Достижение цели работы осуществляется посредством решения следующих задач:

1. Проанализировать и уточнить понятие «обыденное сознание», а также уточнить смежные понятия, в частности, понятие «здравый смысл»;
2. Описать сущностные характеристики обыденного сознания, уточнить его онтологический статус, а также аксиологические и гносеологические характеристики;
3. Выявить и описать функции интуиции, а также исследовать функциональную специфику интуиции обыденного сознания;

4. Определить основные подходы к анализу интуиции и определить сущностные характеристики обыденной интуиции в рамках этих подходов;
5. Разграничить влияние инстинкта и интуиции на обыденное сознание, уточнить характер и причины этого различия;
6. Исследовать основание обыденного интуитивного акта.

Методологические основы исследования.

Специфика объекта и предмета исследования определили выбор основных методов исследования: исторический метод, герменевтический метод, аналитический и синтетический методы, метод системного анализа.

Методом исследования различных концепций обыденного сознания и интуиции является исторический метод. Анализ и сравнение исторического опыта различных философских школ в различные исторические периоды позволяет понять состояние проблемы на современном этапе развития гносеологии, а так же распознать перспективы исследования в обозримом будущем.

Герменевтический метод подразумевает выявление не только собственных признаков исследуемого объекта, рассматриваемого изолированно, но также тех его сущностных признаков, которые обнаруживаются только при учёте контекста его существования, а также контекста его отношения к субъекту познания. Аналитический метод подразумевает выявление основных элементов изучаемого объекта и совокупности их взаимосвязей – структуры. Применительно к исследованию роли интуиции в обыденном сознании системный подход предполагает изучение структуры и элементов обыденного сознания (одним из которых является интуиция), не в качестве существующих безотносительно к целому и составляющих его своей суммой данностей, как это предполагает аналитический метод, а как производных от целого и не существующих вне его абстракций, создание которых, однако, методологически оправдано в рамках аналитического подхода.

Поскольку степень полноты и обоснованности полученных выводов во многом зависит от знания общих закономерностей и связей исследуемого объекта, исследование не может быть полным без привлечения опыта смежных научных дисциплин, изучающих данный объект с помощью собственного методологического аппарата и исходя из собственных научных установок. По этой причине в данном исследовании используются также результаты психологических исследований сознания.

Научная новизна диссертационного исследования.

На основании критического анализа результатов философских и психологических исследований разработана концепция, описывающая регуляторную роль интуиции в обыденном сознании.

1. Проведён анализ определений обыденного сознания, подходов к определению и классов трудностей, которые часто возникают на этапе определения обыденного сознания. Предложено определение обыденного сознания. Разграничены понятия «обыденное сознание» и «здравый смысл». Определено место здравого смысла в системе обыденного сознания. Определены функции здравого смысла.

2. Описаны онтологические, гносеологические и аксиологические характеристики обыденного сознания.

3. Выявлены и описаны функциональные типы интуиции. Исследована функциональная специфика интуиции обыденного сознания.

4. Выявлены основные подходы к анализу интуиции и определены сущностные характеристики обыденной интуиции в рамках этих подходов.

5. Выявлены и проанализированы различия инстинкта и интуиции в отношении к обыденному сознанию.

6. Проанализирован феномен прецедента как основания интуитивного акта. Предложены определение и типология прецедента, необходимые для объяснения специфики обыденного интуитивного акта.

Положения, выносимые на защиту:

1. Обыденное сознание – это режим работы сознания, сформировавшийся и функционирующий в ситуации медленно меняющихся условий, т.е. в ситуации обыденности. Он является специализированным для адаптации к обыденности режимом работы сознания. Здравый смысл выполняет в обыденном сознании две функции: регуляторную и защитную.

2. Обыденность обладает следующими онтологическими характеристиками: необходимость, повторяемость, усреднённость, массовость, а также обязательность и привычность (психолого-эпистемологические характеристики). Обыденное сознание ценностно-прагматически, а не эвристически ориентировано. Познавательная консервативность обыденного сознания связана с тем, что в его функции и входит в первую очередь сохранение человека посредством отбора, консервации и реализации эффективных (или по какой-то причине воспринятых обыденным сознанием в качестве таковых) моделей поведения.

3. Интуиция обыденного сознания выполняет преимущественно регуляторную, а не познавательную функцию. Это объясняется необходимостью адаптации к условиям обыденности: ситуации обыденности известны, поэтому каждая из них в отдельности не требует познавательной деятельности сознания в отношении себя, однако число их вариаций и комбинаций, а также непосредственная значимость и срочность принятия решений велики, что подталкивает обыденное сознание к реализации в первую очередь регуляторной, а не познавательной функции интуиции. Способность к интуитивному акту – форма адаптации сознания к необходимости принятия решений в условиях обыденности.

4. Выделяется два главных подхода к анализу интуиции: функциональный подход, в рамках которого попытка объяснения и классификации интуиции предпринимается с точки зрения её функции (диспозиционная интуиция, ассоциативная интуиция и т.п.), и онтологический подход (чувственная интуиция, интеллектуальная интуиция, мистическая интуиция, и т.п.), в рамках которого интуиция объясняется с

точки зрения её природы и источника. Обыденная интуиция – это форма интеллектуальной интуиции, а поскольку последняя подразумевает способность к опознанию классов ситуаций, её суть – переход от частного к общему. Такая интуиция является функцией интеллектуальной памяти по своей природе и логической интуицией по своей преимущественной функции.

5. Интуиция и инстинкт являются различными регуляторами поведения. Интуиция – процесс мышления, способность к которому приобретается в результате научения, а не является для человека врождённой как инстинкт. Инстинкт одинаков для всех людей, тогда как интуиция у всех различна. Инстинкт узкоспециализирован – он обеспечивает биологически целесообразное поведение, тогда как интуиция не ограничена этой задачей. Инстинкт мотивационно безальтернативен, тогда как интуиция может и не является мотивацией, хотя переживание акта интуиции часто воспринимается в этом качестве.

6. Основанием совершаемого в рамках обыденного сознания интуитивного акта является прецедент. Под прецедентом в работе понимается совокупность значимой типовой проблемной ситуации и её успешного или минимально приемлемого решения, выделяемые в качестве таковых для того, чтобы служить основанием для вынесения подобных решений в сходных ситуациях по аналогии. В исследовании выделяется четыре типа прецедента: индивидуально-психический, культурный, онтогенетический, филогенетический. Из них первые два могут являться основанием обыденного интуитивного акта.

Научно-практическая значимость работы.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего анализа проблем обыденного сознания и природы интуиции. Материалы работы вносят определенный вклад в развитие некоторых аспектов философии сознания: восполняют недостаток

исследований познавательных и регуляторных способностей обыденного сознания, углубляют понимание феномена обыденного сознания и специфики его интуиции.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в возможности использования результатов исследования при разработке учебных курсов для студентов и аспирантов по онтологии и теории познания, философии сознания, а также в качестве материалов для спецкурсов гуманитарного профиля.

Апробация работы.

Полученные результаты исследования были представлены к обсуждению на научной конференции «Современные проблемы языка и культуры» в рамках Международного форума «Человек, семья и общество: история и перспективы развития» (Красноярск, 26-28 ноября 2012 года), а также на научном семинаре кафедры философии Сибирского Федерального Университета (16 сентября 2014). Выводы диссертационного исследования отражены в шести статьях, в том числе трёх, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертации: «Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева», «Философия образования», «Профессиональное образование в современном мире».

Структура работы

Работа состоит из введения, трёх глав по два параграфа в каждой, заключения и списка литературы, состоящего из 132 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность исследуемой проблемы, охарактеризована степень её разработанности, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи работы, описываются её методологические основания, формулируются выносимые на защиту тезисы и показывается их новизна. Дана характеристика теоретической и практической значимости результатов исследования и описана их апробация.

Глава 1 «Обыденное сознание» посвящена прояснению понятия «обыденное сознание», выявлению и объяснению сущностных характеристик обыденного сознания.

В первом параграфе «Концепции обыденного сознания» рассматриваются философские концепции обыденного сознания, а также анализируется само понятие «обыденное сознание» с целью сформулировать его наиболее полное и адекватное определение.

В ходе анализа подходов к определению обыденного сознания было выделено три типа ситуаций, в которых не удаётся дать его точное и полное определение: во-первых, это обобщение разнородных явлений, включение их в один термин (так, и «обыденное мышление», и «здравый смысл», и «обыденное знание», и «практическое мышление», и «массовое сознание» - используются как синонимы «обыденного сознания» или включаются в это понятие), во-вторых, это ситуация, когда обыденное сознание определяется на основе его явных свойств, при этом происходит отвлечение от не менее значимых для раскрытия сущности обыденного сознания характеристик, в-третьих, это ситуации, когда используются скрыто негативные определения, которые неявно стремятся описать обыденное сознание путём сравнения его с другими типами сознания и указания на то, чем обыденное сознание не является. Такие определения не проясняют собственной качественной специфики обыденного сознания.

Автором предлагается следующее определение обыденного сознания. Обыденное сознание – это режим работы сознания, сформировавшийся и функционирующий в ситуации медленно меняющихся условий, т.е. в ситуации обыденности. Он является специализированным для адаптации к обыденности режимом работы сознания.

Анализ понятий «здравый смысл» и смежных с ним приводит к выводу о нетождественности часто смешиваемых понятий «здравый смысл» и «обыденное сознание». Они разделяются, исходя из следующего допущения: «здравый смысл» входит в систему «обыденного сознания» в качестве

элемента. Из этого допущения с необходимостью следует, что обыденное сознание невозможно без здравого смысла. Наличие здравого смысла является видовым признаком, т.е. необходимым, но не достаточным основанием выделения «обыденного сознания», но не является специфическим для данного типа сознания, т.к. «здравый смысл» входит и в остальные традиционно выделяемые типы сознания, в которых его роль, однако, не является определяющей.

Как для обыденного типа сознания, так и для других типов сознания, роль здравого смысла заключается в том, чтобы выполнять функцию проверки решений относительно конкретных действий и стратегий на безопасность и эффективность. «Здравый смысл» представляет собой комплекс принципов «сличения с эталоном», но такое его описание представляется несостоятельным в тех ситуациях, когда сам «эталон» невозможно установить, однако указание здравого смысла в интуитивной форме явно присутствует и является регулятором деятельности. В качестве частного определения такое описание возможно для тех случаев, когда здравый смысл проявляет себя дискурсивно, т.е. человек рассуждает, обращаясь к формам языка.

Здравый смысл является «ядром» обыденного сознания, тогда как для всех остальных типов сознания он является лишь дополнительным и часто факультативным компонентом их системы проверки решений. Кроме здравого смысла, обыденное сознание включает прецеденты, на которые оно ориентируется (к ним могут быть причислены необоснованные обобщения, противоречивые суждения), а также установки, которые могут противоречить здравому смыслу. В исследовании выделяются две функции здравого смысла: регуляторная и защитная. Защитная функция важна потому, что, изначально осознаваемый опыт со временем имеет вероятность стать бессознательным и тогда обратная операция (т.е. отторжение) уже будет невозможна, либо значительно осложнена.

Во втором параграфе «Сущностные характеристики обыденного сознания» анализируются онтологические, гносеологические и аксиологические характеристики обыденного сознания, а также обыденность как основание обыденного сознания.

Обыденное сознание является базовой психической реальностью человека. Оно активно, когда человек не занимается решением узких, нишевых задач специальными методами и опираясь на осознанные творческие принципы. Обыденное сознание ориентировано в первую очередь на практическую деятельность, а не на познание. Это не означает, что в его рамках не существует познавательная деятельность, но это означает, что она ограничена критерием достаточного качества, т.е. её активность резко снижается по достижении некоторого минимально необходимого для удовлетворения определяемых ценностями обыденного сознания потребностей. Эта познавательная консервативность обыденного сознания связана с тем, что в его функции входит обеспечение безопасности человека (как проявление вышеуказанной защитной функции) посредством консервации и реализации эффективных (или по какой-то причине воспринятых обыденным сознанием в качестве таковых) моделей поведения, которые в исследовании именуется «прецеденты».

Обыденное сознание интуитивно, а значит, с необходимостью действует на основании прецедента. Интуиция – это базовая форма мышления, основанная на учёте опыта реально имевших место ситуаций, причём в индивидуальном опыте человека они могут найти отражение как вследствие личной практической деятельности, так и вследствие знакомства с опытом других людей. Интуитивный процесс принятия решения начинается в бессознательном и находит своё завершение в сознании. Важную роль в работе интуиции играет механизм аналогии. В конкретности учитываемого ей материала мы видим её коренное отличие от «логического», «рационального» мышления, действующего на уровне отвлечённых от конкретного содержания схем.

Глава 2 «Концепции интуиции» посвящена анализу феномена интуиции на основании рассмотрения существующих концепций интуиции. Обыденная интуиция не представляет из себя абсолютно независимую форму интуиции, но является частным случаем интеллектуальной интуиции. Это доказывается критическим анализом концепций чувственной и интеллектуальной интуиции.

В первом параграфе «Чувственная интуиция» рассматриваются концепции чувственной интуиции, которые предполагают, что непосредственность и самоочевидность – т.е. главные критерии, на основе которых философы традиционно определяют знание как интуитивное – обеспечиваются тем, что, во-первых, способности к чувственному восприятию ориентированы вовне, в объективный, внешний, «реальный» мир, а во-вторых, люди получают информацию от органов чувств, более непосредственного источника информации о внешнем мире нет. Таким образом, естественно видеть в человеческой способности к восприятию не что иное, как интуицию.

Такое понимание интуиции, однако, встречается со следующей трудностью: органы чувств могут обманывать нас, и мы знаем об этом, поэтому не всегда воспринимаем информацию от них некритически, тогда как «самоочевидность» интуиции предполагает 1) её истинность; 2) нашу убеждённость в её истинности, т.е. переживание интуитивного знания как истинного. В истории философских концепций интуиции сложились разные пути преодоления этого противоречия. А.С. Кармин выделяет три возможных направления мысли: 1) допустить, что непосредственный чувственный образ всегда несёт в себе истинное знание об объекте, а иллюзии и ошибки появляются в результате искажений, которые мы вносим в этот образ под влиянием привходящих обстоятельств – предубеждений, эмоций желаний и пр.; 2) не отождествлять чувственную интуицию со всем чувственным познанием, а рассматривать её как некоторый его частный случай или вид, дающий безусловную истину, и относить к интуитивному знанию не любое

непосредственное восприятие, а лишь такое, которое возникает в этом частном случае; 3) отделить чувственную интуицию от чувственного познания и понимать под ней особую, «чувственно-сверхчувственную» способность не просто созерцать, но и формировать воспринимаемую реальность, так что в интуитивном созерцании перед человеком предстаёт не «картина» объекта, а сам объект как таковой. Диссертант рассматривает чувственную интуицию в рамках третьего подхода, т.к. она создаёт целостный образ объекта, являющийся базой для последующего интеллектуально-интуитивного обобщения.

Во втором параграфе «Интеллектуальная интуиция» рассматриваются концепции интеллектуальной интуиции, на основании анализа которых формулируется концепция интуиции, применимая в исследовании. Интеллектуальная интуиция понимается как способность к опознанию и конструированию идеальных объектов (применительно к теме исследования как способность к выделению классов ситуаций). Подобно тому, как чувственная интуиция способна различить в шуме визуальных восприятий материальные объекты, интеллектуальная интуиция позволяет человеку: 1) осознавать процессы вокруг себя как события (т.е. концептуализировать их, выделять сущностные черты и наделять смыслом); 2) на втором шаге абстракции выделять классы событий. Второй шаг работы интеллектуальной интуиции представляет наибольший интерес, поскольку именно он актуализируется в условиях обыденности, что позволяет говорить об обыденной интуиции как о частном случае интуиции интеллектуальной.

Тот факт, что способность к выделению классов событий актуализируется в условиях обыденности, в исследовании обосновывается следующим образом. Обыденность – это ситуация медленно меняющихся условий, следовательно, содержание отдельных её изолированных событий известно. Однако неизвестно содержание системы этих событий, с которой человек имеет дело в своей реальной повседневности. Обыденность состоит не из изолированных событий, простых для понимания и прогноза, а из

бесчисленного множества их комбинаций (под «комбинацией» понимается и причинно-следственное отношение, и отношение соположения), что актуализирует потребность в инструменте эффективного и быстрого принятия решений. Ввиду того, что всё множество комбинаций реальных ситуаций обыденности состоит из типовых элементов, эффективно и быстро в её условиях принимать решения по аналогии, т.е. на основе сходства некоторых типовых элементов событий делать вывод о сходстве самих событий.

Но поскольку сличать случайные события друг с другом – это неоправданно рискованная стратегия, мало чем отличающаяся в реальности (разве что в сторону меньшей скорости) от случайного принятия решений, возникает необходимость в создании меры сличения – эталонного события, с которым в последующем будут производиться сравнения. Таким образом, актуальность во втором шаге абстрагирования, который совершает интеллектуальная интуиция, значительна в условиях обыденности – они создают потребность в выделении классов ситуаций.

Глава 3 «Интуиция в системе обыденного сознания» посвящена уточнению специфики интуиции обыденного сознания, разграничению интуиции и инстинкта, а также выявлению и объяснению основания обыденного интуитивного акта.

В первом параграфе «Специфические черты интуиции обыденного сознания» рассматривается специфика интуиции обыденного сознания в сравнении с инстинктом. Инстинкт понимается как бессознательный и иррациональный регулятор поведения, тогда как интуиция понимается именно как рациональная форма регуляции деятельности. Уместно определить её как рациональное и бессознательное мышление. Интуиция может быть столь же рациональна, как и сознательное, по шагам рассуждающее мышление, однако она представляет собой иной тип рациональности. Речь в данном случае идёт не о познавательной функции интуиции, а именно о регуляторной, т.е. лежащей в основе принятия

решений. Это не всегда подразумевает познание нового, но, скорее, наоборот – в обыденности это обычно узнавание старого и сличение с эталоном.

Механизм регуляторной функции интуиции состоит в следующем: поиск аналогичных ситуаций, т.е. прецедентов в «прошлом», и действия на основании истории таких прецедентов. Причём под «прошлым» здесь понимается не только индивидуальный, но также социальный и исторический опыт. По причине скорости порождения интуитивных решений, в ситуации срочности они способны конкурировать с инстинктивными мотивациями, таким образом обеспечивая реализацию «рациональных», «долгосрочных» стратегий и выводя человеческое поведение из-под давления срочности. Факторам, определяющим исход такой конкуренции, ещё предстоит стать предметом исследования, пока же важен вывод относительно происхождения устойчивых долгосрочных стратегий обыденности: по крайней мере, часть из них имеет интуитивную мотивацию в своей основе.

И интуитивное, и инстинктивное мышление являются бессознательным формами мышления. Это первое основание их сходства. Вторым является прецедентный характер как интуиции, так и инстинкта. Интуиция, однако, представляет собой хранилище преимущественно индивидуальных прецедентов, кроме того – интуиция более гибкое и обучаемое образование, тогда как инстинкт – это своего рода «интуиция вида», хранилище типичных, видовых реакций на определённые условия. Он иррационален и не «обучаем» с помощью индивидуального опыта в отличие от интуиции, которая не просто «обучаема», но не является наследуемой, т.е. врождённой характеристикой человека (хотя наследуется сам её механизм и возможность её использования) – интуиция возникает именно в процессе онтогенеза.

Таким образом, инстинкт и интуиция являются разными регуляторами поведения. Уточнение сущностных характеристик интуиции обыденного сознания, позволяющих говорить о её качественной определённости, даёт

возможность перейти к рассмотрению того, что является основанием обыденного интуитивного акта.

Во втором параграфе «Прецедент как основание обыденного интуитивного акта» рассматривается понятие прецедента применительно к теме исследования, предлагается типология прецедентов, а также формулируется и обосновывается гипотеза о том, что прецедент является основанием обыденного интуитивного акта.

Одной из важнейших характеристик обыденности является повторяемость, устойчивость её условий или чрезвычайно медленный их дрейф. Эта характеристика обыденности является видоспецифической для неё, что легко обнаруживается при её устранении: ситуацию стремительно меняющихся условий невозможно назвать обыденностью, обыденность, напротив, только и возникает по контрасту с ней, такая ситуация очерчивает контур «территории» обыденности. Такая среда устойчивости условий делает оправданным применение прецедента как основы принятия решений.

Прецедент является ключевым понятием предлагаемой автором модели обыденной интуиции. Во-первых, прецедент – это ситуация, которая по какой-то причине выделяется в ряду других подобных, знаковая ситуация. Такое выделение происходит на основании «показательности», «яркости», «иллюстративности». Прецедент, таким образом, является знаковой ситуацией. На событийном уровне он подобен слову в языке – выполняет (среди прочего) классифицирующую функцию, являет собой «эталон», обобщённый образ некоторой ситуации.

Во-вторых, прецедент – это не произвольное событие, выбранное человеком в качестве классификатора и мерки, но такое событие, которое имеет важность для человеческой жизни. Оно ценностно нагружено – невозможно лишить прецедент его аксиологического содержания так, чтобы он при этом не переставал быть прецедентом.

В-третьих, прецедент – это не просто важная и типовая ситуация, но и обязательно ситуация проблемная, т.е. требующая не пассивно-

созерцательного, но деятельностного, прагматического отношения и требующая его активно ввиду своей ценностной природы.

В-четвёртых, прецедент – это ситуация, для которой было найдено решение и которая теперь рассматривается только вместе с ним.

В-пятых, прецедент – это не только история о важной типовой проблемной ситуации и её разрешении, но и своего рода «история успеха», т.е. история оптимального или, по крайней мере, приемлемого разрешения такой ситуации.

Фиксация некоторого положения дел в языке, искусстве, праве и т.п. формах культурной памяти в качестве «прецедента» заключается в отыскании основания для решения бесконечного множества различных проблемных ситуаций с опорой на мощно представленный в мышлении человека механизм аналогии. Вероятность очень близкого совпадения событий невелика, но примерное совпадение событий одного класса происходит повсеместно и постоянно, более того – это свойство ситуаций только и позволяет объединять их в классы, отыскивая среди них наиболее репрезентативные и выделяя их в качестве прецедентов.

Важным моментом определения специфики обыденности через скорость изменения условий среды является то, что речь идёт не об объективно измеримых параметрах, а о субъективно воспринимаемой «знакомости» или «новизне», т.е. переживании изменения. Существуют разные уровни прецедентов и памяти о них. Автор выделяет индивидуально-психический (личностный), онтогенетический, социально-психический (культурный) и филогенетический уровни прецедентов. Данная типология опирается на скорость формирования прецедента в качестве основания классификации. Самым растянутым во времени прецедентом является филогенетический, самым сжатым во времени – индивидуально-психический, находящиеся между ними типы вместе образуют градацию скоростей, в которой обнаруживается, что любой психический прецедент, независимо от уровня, быстрее любого биологического.

Таким образом, биологические прецеденты (т.е. онтогенетические и филогенетические события) образуют «нижний», наиболее устойчивый, но и наиболее медленно меняющийся этаж прецедентной базы человека, тогда как психические прецеденты образуют «высший» этаж – наиболее подвижный и адаптивный, но и наименее устойчивый. Такая двухуровневая организация прецедентной памяти значительно повышает адаптивные способности человека за счёт того, что биологический уровень удерживает от нестабильности и обеспечивает адаптацию к наиболее устойчивым и медленно меняющимся условиям среды, а психический уровень позволяет стремительно адаптироваться к возникающим и исчезающим условиям «здесь и сейчас».

Этот механизм позволяет не отказываться от полезных адаптаций слишком быстро, но и не быть чересчур медлительным, реагируя на возникновение новых условий. Двухуровневостью прецедентной памяти достигается «диверсификация» человеческой базы прецедентов, что обеспечивает ей большую устойчивость. Одномерная структура прецедентной памяти разрушалась бы вследствие своей дисбалансированности. С одной стороны, слишком медленное прецедентное реагирование, т.е. идентификация в качестве прецедентов только очень растянутых или постоянно повторяющихся во времени событий, привела бы к тому, что достигалась бы адаптация лишь к самым устойчивым, медленно меняющимся условиям среды – например, климатическим. Однако, такая растянутая, «осторожная» регистрация прецедента дисквалифицировала бы более редкие или более краткие во времени события, представляющие потенциальную ценность в качестве ситуаций-ориентиров, как «не прецеденты» (случайность, «шум»).

В Заключение подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются основные выводы.

Публикации автора по теме диссертации в изданиях, указанных в перечне рецензируемых изданий ВАК:

1. Мосиенко М.К. «Обыденное сознание» и смежные термины // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2014. – №1 – С. 249–252.

2. Кудашов В.И., Мосиенко М.К. Функции здравого смысла в обыденном сознании // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2014. – Т12. – №3 – С. 19-24.

3. Кудашов В. И., Мосиенко М. К. Образование как фактор противодействия наркотизации обыденного сознания // Профессиональное образование в современном мире.– 2015.– № 4 (19).– С. 86–94.

Публикации в других изданиях:

1. Мосиенко М.К. Инстинктивные и интуитивные мотивации в обыденном сознании // Материалы XXXI международной научно-практической конференции: Психология и педагогика: теоретические и практические аспекты современных наук: Сборник тезисов докладов. Москва. – 2015. – С.53-56.

2. Мосиенко М.К. Обыденное сознание и парадокс Кэрролла // Материалы XXIX международной научно-практической конференции посвящённой проблемам общественных наук: Сборник тезисов докладов. Москва. – 2015. – С.75-58.

3. Кудашов В.И., Мосиенко М.К. Наркотизация обыденного сознания // Социодинамика. — 2015. - № 2. - С.1-14. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.2.14517. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_14517.html